

Карамзин Н.М.

Моя исповедь

Письмо к издателю журнала

Воспроизводится по изданию: Карамзин Н.М. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964.

Оригинал здесь - <http://www.rvb.ru>

Признаюсь вам, государь мой, что я не читаю вашего журнала, а желаю, чтобы вы поместили в нем мое письмо. Для чего? Сам не знаю. Более сорока лет живу на свете и никогда еще не давал себе отчета ни в желаниях, ни в делах своих. Великое слово "так" было всегда моим девизом.

Я намерен говорить о себе: вздумал и пишу - свою исповедь, не думая, приятна ли будет она для читателей. Нынешний век можно назвать веком откровенности в физическом и нравственном смысле: взгляните на милых наших красавиц!.. Некогда люди прятались в темных домах и под щитом высоких заборов. Теперь везде светлые дома и большие окна на улицу: просим смотреть! Мы хотим жить, действовать и мыслить в прозрачном стекле. Ныне люди путешествуют не для того, чтобы узнать и верно описать другие земли, но чтобы иметь случай поговорить о себе; ныне всякий сочинитель романа спешит как можно скорее сообщить свой образ мыслей о важных и неважных предметах. Сверх того, сколько выходит книг под титулом: "Мои опыты", "Тайный журнал моего сердца"! Что за перо, то и за искреннее признание. Как скоро нет в человеке старомодного варварского стыда, то всего легче быть автором исповеди. Тут не надобно ломать головы; надобно только вспомнить проказы свои, и книга готова.

Однако ж не думайте, чтобы я хотел оправдываться примерами; нет, такая мысль оскорбительна для моего самолюбия. Следую только собственному движению и замечаю мимоходом, что оно некоторым образом согласно с общим; но сохрани меня бог казаться рабским подражателем! Для того, в противность всем исповедникам, наперед сказываю, что признания мои не имеют никакой нравственной цели. Пишу - так! Еще и другим отличусь от моих собратий - авторов, а именно краткостью. Они умеют расплодить самое ничто; я самые важные случаи жизни своей опишу на листочке.

Начну уверением, что натура произвела меня совершенно особенным человеком и что судьба все случаи жизни моей запечатлела какою-то отменной печатью. Например, я родился сыном богатого, знатного господина - и вырос шалуном! Делал всякие проказы - и не был сечен! Выучился по-французски - и не знал народного языка своего! Играл десяти лет на театре - и в пятнадцать лет не имел идеи о должностях человека и гражданина.

На шестнадцатом году дали мне изрядный чин и отправили меня в чужие край, не сказав для чего. Правда, что со мною поехал гофмейстер, женевец (прошу заметить, а не француз, потому что в это время французские гувернеры в знатных домах наших выходили уже из моды), которому даны были все нужные наставления. Господин Мендель знал, к чему по большей части готовится знатный молодой человек, а всего более знал свои выгоды - и поступал со мною вследствие своего благоразумного плана. Надобно отдать ему справедливость: он любил искренность и немедленно со мною объяснился. "Любезный граф! - сказал мне гофмейстер. - Природа и судьба уговорились сделать тебя образцом любезности и счастья; ты прекрасен, умен, богат и знатен; довольно для блестящей роли в свете! Все прочее не стоит труда. Мы едем в Лейпцигский университет; родители твои, следуя обыкновению, желают, чтобы ты украсил разум свой знаниями, и поручили тебя моему смотрению; будь спокоен! Я родился в республике и ненавижу тиранство! Надеюсь только, что моя снисходительность заслужит со временем твою признательность". Я обнял его и обещал ему такую пенсию, какая не всегда дается и министру за долголетнюю службу.

Приехав в Лейпциг, мы спешили познакомиться со всеми славными профессорами - и нимфами. Гофмейстер мой имел великое уважение к первым и маленькую слабость к последним. Я взял его себе за образец - и мы одним давали обеды, другим - ужины. Часы лекций казались мне минутой, оттого что я любил дремать под кафедрой докторов, и не мог их послушаться, оттого что никогда не слушал. Между тем господин Мендель всякую неделю уведомлял моих родителей о великих успехах дражайшего сына их и целые страницы наполнял именами наук, которым меня учили.